

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

НАСТОЯЩИЙ АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

*Собрание лучших
рассказов*

Москва

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Н32

Перевод с английского

Дизайн серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы
фрагменты работ художников

Альфреда Стивенса и Джона Аткинсона Гримшоу

Настоящий английский детектив: собрание лучших рассказов : [перевод с английского]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-78143-0

В эпоху расцвета английского детектива с заслуженными корифеями жанра У. Коллинзом, А. Конан Дойлом и Г. Честертоном успешно соперничали ничуть не менее популярные в то время авторы — Эрнест Хорнунг, Остин Фримен, Макдоннел Бодкин, Эдгар Уоллес, Гай Бутби.

Непревзойденные мастера расследований и сыска, знаменитые Шерлок Холмс и отец Браун, а также их современники и коллеги — обаятельный Пол Бек, неразлучные Раффлс и Банни, наблюдательный доктор Торндайк и другие — в сборнике лучших классических детективных рассказов.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

- © Войтинская Н., перевод на русский язык. Наследники, 2017
- © Чуковские М. и Н., перевод на русский язык. Наследники, 2017
- © Емельяникова Н., перевод на русский язык. Наследники, 2017
- © Ильф А., перевод на русский язык, 2017
- © Трауберг Н., перевод на русский язык. Наследники, 2017
- © Савельев К., перевод на русский язык, 2017
- © Облонская Р., перевод на русский язык. Наследники, 2017
- © Бернштейн И., перевод на русский язык. Наследники, 2017
- © Меленевская Э., перевод на русский язык, 2017
- © Сергеева В., перевод на русский язык, 2017
- © Скороденко В., перевод на русский язык, 2017
- © Патрикеев А., перевод на русский язык, 2017
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-78143-0

Уилки Коллинз
(1824—1889)

ПРИЗРАК ДЖОНА ДЖАГО,
или ЖИВОЙ ПОКОЙНИК

Глава I
БОЛЬНОЙ

— Сердце в порядке, — сказал врач. — Легкие тоже. Органических заболеваний не нахожу. Не волнуйтесь, Филип Лефрэнк, смерть вам пока не грозит. Недуг, поразивший вас, — переутомление. Лучшее лекарство от него — отдых.

Дело происходило в Лондоне, в моей адвокатской конторе; за врачом послали после того, как полчаса назад я перепугал клерка, прямо за письменным столом потеряв сознание. Не смею без лишней на то нужды задерживать внимание читателя на своей особе, но, полагаю, обязан пояснить, что занимаю должность младшего барристера¹ и весьма загружен работой. Родом я с острова Джерси², из семьи с французскими корнями, свидетельством чему является наша фамилия, переделанная на английский лад много поколений тому назад. Семейство мое, надо сказать, исстари привыкло считать, что лучше острова Джерси на земле места нет. И по сей день всякое упоминание обо мне как о члене английской

¹ Барристер — адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в суде; младший барристер — младший из двух адвокатов одной из сторон. (Прим. пер.)

² Джерси — самый крупный из Нормандских островов в Ла-Манше, находится всего в 21 км от Франции. (Прим. пер.)

адвокатской коллегии вызывает неизбежную досаду у моего отца.

— Отдых? — повторил я вслед за моим врачом. — А известно ли вам, дорогой друг, что идет сессия? Судебные заседания в разгаре! Видите, сколько дел скопилось у меня на столе? В моем случае отдых — это крах!

— А работа, — спокойно заметил врач, — это смерть.

Я внимательно посмотрел на него. Нет, не похоже, чтобы он собирался просто припугнуть меня: лицо его сохраняло совершенно серьезное выражение.

— Это всего лишь вопрос времени, — продолжил врач. — У вас крепкий организм, вы молоды, но вам больше нельзя до такой степени перегружать себя. Вот мой совет: уезжайте немедленно. Вернейшее средство восстановить силы — морской воздух. Нет-нет, я не собираюсь вам ничего прописывать. Более того, я отказываюсь вас пользоваться. Прощайте.

С этими словами мой друг-доктор откланялся. Но я был упрям: в тот же день я отправился в суд.

Там главный адвокат обратился ко мне за сведениями, предоставить ему которые входило в мои обязанности. К своему ужасу и изумлению, я обнаружил, что совершенно не способен собраться с мыслями: все факты и даты смешались у меня в голове. Потрясенный этим, я позволил отвезти себя домой. На другой день, вернув все свои дела поверенным моих клиентов, я, следуя совету врача, первым же пароходом отправился в Нью-Йорк.

Путешествие в Америку я предпочел всем иным странствиям, поскольку много лет тому назад один из родственников моей матери уехал в Соединенные Штаты и вполне преуспел там на ниве земледелия. Он не раз приглашал меня к себе. Вот я и подумал, что долгое бездействие под названием «отдых», к которому приговорила меня медицина, нельзя провести приятнее, чем исполнив родственный долг и попутно посмотрев на Америку. После недолгого пребывания в Нью-Йорке я отправился поездом к мистеру Айзеку Мидоукрофту, в имение под названием Морвик-фарм.

Должен вам заметить, что Америка поразила меня на редкость величественной красотой природы, но, по контрасту, в некоторых штатах попадались и самые монотонные, однообразные и неинтересные для проезжающего виды. Мест-

ность, где располагалась ферма мистера Мидоукрофта, относилась как раз к последней категории, так что, выйдя из вагона на станции Морвик, я огляделся и сказал себе: «Если исцелиться в моем случае означает попасть в наискучнейшее место на земле, что ж, я не мог выбрать лучше».

Теперь, когда я вспоминаю эти слова, то расцениваю их — и вы вскоре в этом со мной согласитесь — как суждение в высшей степени поспешное и поверхностное, поскольку мне не было дано предвидеть, какие неожиданности могут таить время и случай.

Старший сын мистера Мидоукрофта, Эмброуз, встречал меня на станции.

Во внешности Эмброуза Мидоукрофта не было ничего, что позволило бы предугадать странные и ужасные события, разразившиеся вскоре после моего приезда. Видный, пышущий здоровьем парень, каких тысячи, сказал:

— Здравствуйте, мистер Лефрэнк. Рад вас видеть, сэр. Усаживайтесь в коляску, а за чемоданом вашим присмотрят.

Я отвечал со столь же приличествующей случаю вежливостью:

— Благодарю. Все ли благополучно дома? — и мы отправились в путь.

Наша дорожная беседа началась было с обсуждения вопросов сельского хозяйства, но не успели мы преодолеть и десяти ярдов пути, как я выказал полное невежество и в земледелии, и в животноводстве. Эмброуз Мидоукрофт попытался найти более подходящую тему для разговора, однако не преуспел в этом. Тут за дело взялся я и для начала осведомился, удачное ли время выбрал для визита. Бесстрастное загорелое лицо молодого фермера на глазах оживилось. Видимо, я случайно затронул предмет, волнующий его.

— Лучше быть не может, сэр, — сказал он. — Никогда в нашем доме не было так весело, как теперь.

— У вас еще кто-то гостит?

— Не то чтобы гостит, сэр. Это, видите ли, новый член семьи, который приехал жить с нами.

— Новый член семьи? И могу я спросить, кто же это?

Прежде чем ответить, Эмброуз Мидоукрофт помолчал, потрогал кнутом лошадь, с какой-то робостью на меня поглядел и наконец выпалил самым простодушным образом:

— Это девушка, сэ, и милее ее вы в жизни не видали!

— Вот как? Подруга вашей сестры, я полагаю?

— Подруга? Господь с вами, сэ! Это наша маленькая американская кузина, Нейоми Коулбрук.

Я смутно помнил, что младшая сестра мистера Мидоукрофта когда-то вышла замуж за американца, занятого в торговле, и много лет тому назад умерла, оставив единственное дитя. Теперь я узнал, что и отец также умер, перед кончиной препоручив беззащитную дочь попечению морвикских родственников своей покойной жены.

— Он все время спекулировал, — продолжил Эмброуз, — хватался то за одно, то за другое, но ничего не добился. Того, что он оставил после себя, едва хватило на похороны. Мой отец опасался немного перед ее приездом, как эта племянница себя покажет. Видите ли, сэ, мы — англичане и хотя и живем в Соединенных Штатах, все-таки крепко держимся нашего английского уклада. В общем, могу вам признаться, мы не слишком одобряем американских женщин, но, когда Нейоми приехала, она нас всех покорила. Такая девушка! Сразу повела себя как родная. В неделю выучилась помогать в коровнике. Я вам даже больше скажу: двух месяцев не прошло, как она здесь, а мы уж и представить себе не можем, как без нее обходились!

Разговорившись о Нейоми Коулбрук, Эмброуз до самого дома, не умолкая, не менял темы. Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, какие чувства вызвала в нем его кузина. Восторг молодого человека в легкой форме заразил и меня. Так что, когда мы, уже к ночи, подкатили к воротам дома, я с некоторым даже возбуждением предвкушал знакомство с Нейоми Коулбрук.

Глава 2

НОВЫЕ ЛИЦА

Немедленно по приезде я был представлен мистеру Мидоукрофту, главе семейства.

За последние годы старик одряхлел; хронический ревматизм приковал его к инвалидной коляске. Принял он меня любезно, хотя выглядел утомленным. Его незамужняя сестра —

сам он вдовел уже много лет — сидела в той же комнате, она ухаживала за братом. Это была меланхолического склада, средних лет женщина, лишенная всяких следов внешней привлекательности. Похоже, она принадлежала к той породе людей, которые живут как бы против воли, словно жизнь — тяжкая обязанность, бремя, коего они никогда бы не приняли, спроси их об этом заранее. Обмениваясь вопросами и ответами, мы провели несколько отчаянно скучных минут в неудобной гостинной, а затем меня отпустили наверх, в отведенную мне комнату, распаковать чемодан.

— Ужин в девять часов, сэ, — сказала мне вслед мисс Мидоукрофт, произнеся эту фразу так, словно «ужин» — нечто вроде домашней пытки, причем мужчины, по заведенному обычаю, выступают палачами, а женщины — покорными жертвами. Не слишком обрадованный первыми впечатлениями от дома, я последовал за слугой.

Пока что — ни Нейоми, ни романтики.

Комната моя оказалась опрятной — и до такой степени, что это действовало уже угнетающе. Я просто возжаждал увидеть хоть пылинку. Выбор книг ограничивался Библией и молитвенником. Из окна открывался вид на утомительно плоскую, кое-где возделанную равнину, да и та печально меркла в сгущающихся сумерках. Над изголовьем девственно белой постели был прибит свиток, на котором кричащими черно-красными буквами была написана мрачная цитата из Святого Писания. И в комнате сразу ощутилось угнетающее присутствие мисс Мидоукрофт; пахло тленом. Настроение мое еще более упало. Ужина оставалось ждать довольно долго. Я зажег свечи и достал из чемодана книгу, которой, в этом я твердо уверен, привелось стать первым французским романом, появившимся под этим кровом. Это была одна из очаровательных, мастерски написанных историй Дюма-отца, так что через пять минут я очутился совсем в другом мире, и унылую комнату наполнили звуки оживленной французской речи. Властный, непререкаемый удар колокола вернул меня к действительности. Я посмотрел на часы. Девять.

Эмброуз встретил меня у подножия лестницы и сопроводил в столовую.

Во главе стола помещался мистер Мидоукрофт в инвалидной коляске. По правую руку от хозяина сидела его суровая,

молчаливая сестра. С медлительной торжественностью призрака она указала мне на пустующее место по левую руку от главы семейства. В это время в столовую вошел Сайлас Мидоукрофт, и Эмброуз нас познакомил. Я отметил сильное сходство между братьями, хотя старший был и выше ростом, и представительнее. Но в чертах лиц недоставало характера, оставалась некая недоговоренность. Я решил, что эти люди не выявили своих свойств, и — как добрые, так и дурные — они ждали подходящего часа и обстоятельств, чтобы проявить их в полной мере.

Я все еще разглядывал братьев. И их внешность, должен честно признаться, не слишком расположила меня в их пользу, когда дверь снова растворилась и еще один домочадец вступил в столовую, незамедлительно завладев моим вниманием.

Это был мужчина — невысокий, худощавый, жилистый и удивительно бледный для деревенского жителя, чья жизнь протекает на свежем воздухе. Кроме того, его лицо и по другой причине производило сильное впечатление. Нижняя часть его скрывалась под густой черной бородой и усами — и это во времена, когда было принято бриться и бороды в Америке встречались до чрезвычайности редко. Что же до верхней, то на ней горели блестящие карие глаза, иступленное выражение которых навело меня на мысль о психической неуравновешенности их владельца. Хотя все, что этот человек говорил и делал, было, на мой сторонний взгляд, вполне здраво, что-то в бешеном блеске его глаз заставляло думать, что в обстоятельствах необычайных или же в состоянии крайнего утомления даже людей, хорошо его знающих, он способен поразить действиями либо неожиданно жестокими, либо удивительно глупыми. «Немного сдвинутый» — этим широко распространенным выражением я определил свои впечатления от человека, появившегося в гостиной.

Мистер Мидоукрофт-старший, до того не проронивший ни слова, сам представил мне вновь прибывшего. При этом он бросил на сыновей взгляд, в котором читалось нечто вроде вызова, — и этот взгляд, отметил я с огорчением, был возвращен ему сыновьями той же монетой.

— Филип Лефрэнк, хочу представить вам моего управляющего, мистера Джаго, — произнес старик, по всей форме представляя нас друг другу. — Джон, а это мой молодой родственник по линии жены, мистер Лефрэнк. Он не вполне здоров и пересек океан, чтобы отдохнуть и переменить образ жизни.

Филип, мистер Джаго — американец. Я надеюсь, у вас нет предубеждения против американцев? Подружитесь с ним. Садитесь рядом. — Он окинул сыновей тяжелым взглядом, и те снова ответили ему тем же. Они подчеркнуто отстранились, когда мистер Джаго прошел мимо, чтобы занять свое место подле меня, и перешли по другую сторону стола. Было ясно, что бородатый пользуется благорасположением старика и то ли за это, то ли по какой-то другой причине они ненавидят его всем сердцем.

Дверь снова отворилась. К компании присоединилась некая молодая леди.

Неужели Нейоми Коулбрук? Я взглянул на Эмброуза и прочел ответ на его лице. Нейоми Коулбрук, наконец-то!

Я сразу решил, что она хорошенькая и, сколько можно судить по внешности, славная. Чтобы дать о ней общее представление, скажу, что у нее была маленькая, аккуратно посаженная головка, яркие серые глаза, взор прямой и честный. Фигурка — элегантная и хрупкая, даже слишком хрупкая по нашим английским понятиям о красоте. Сильный американский выговор, но редкое в Америке достоинство — приятно звучащий голос примирил мое английское ухо с ее акцентом. Наше первое впечатление о людях есть, в девяти случаях из десяти, верное. Нейоми Коулбрук понравилась мне с первого взгляда, понравились ее приятная улыбка, сердечное пожатие руки, когда нас познакомили. «Если я полажу с кем-либо в этом доме, — подумал я, — то уж с тобой — непременно».

На сей раз мое пророчество оправдалось. В душающе-враждебной атмосфере Морвик-фарм мы с хорошенькой американкой с начала до конца оставались подлинными друзьями.

Эмброуз отодвинул свой стул так, чтобы Нейоми смогла занять место между ним и его братом. Она слегка порозовела и, усаживаясь, посмотрела на него с нежным укором. Подозреваю, что под покровом скатерти молодой фермер пожал ей руку.

Ужин был не из веселых. Только мы с Нейоми оживленно переговаривались через стол.

По какой-то неведомой мне причине Джона Джаго, казалось, смущало присутствие его молоденькой соотечественницы. Он нерешительно поднимал на нее глаза, а потом, хмурясь, опускал их в тарелку. Когда я обращался к нему, он отвечал принужденным тоном. Даже беседуя с мистером Мидоукрофтом, он держался напряженно, и, судя по направлению

его взглядов, настороженность эта относилась к двум братьям: он словно ждал от них какого-либо подвоха. Когда мы приступили к еде, я обратил внимание, что левая рука Сайласа перевязана, а позже заметил, что блуждающий взор карих глаз Джона Джаго, украдкой оглядывающего всех присутствующих за столом по очереди, с особым, циничным выражением останавливается на пораненной руке младшего из братьев.

Мое чувство неловкости, естественное для человека, впервые попавшего в дом, усугубилось, когда я обнаружил, что отец и сыновья обмениваются мнениями не напрямую, а через посредство мистера Джаго и мое. Так, когда мистер Мидоукрофт со злорадством рассказывал своему управляющему о какой-то давней ошибке в распоряжении пахотными землями, его глаза недвусмысленно указывали на объект его уничижительной критики — а именно на сыновей. Когда же сыновья, с недобрый смехом подхватив мое брошенное вскользь и самое общее замечание о животных в целом, перевели разговор на конкретную неудачу в содержании коров, то они при этом в упор глядели на Джона Джаго. В подобных случаях — а они возникали то и дело — в разговор решительно вступала Нейоми, умело направляя его в безопасное русло. И всякий раз, когда она таким образом сохраняла за столом мир, меланхолическая мисс Мидоукрофт кисло оглядывала ее, явно, но молчаливо порицая за вмешательство. В жизни своей не сидел я в семейном кругу более безрадостном и разобщенном. На мой взгляд, зависть, ненависть, злорадство и жестокосердие производят впечатлительное самое отвратительное, именно когда прячутся под завесой приличий. Если бы не мой интерес к Нейоми и ее отношениям с Эмброузом — время от времени я перехватывал их мимолетные нежные взоры, — никогда бы мне не высидеть этот ужин: я предпочел бы ему свой французский роман.

Наконец невыносимо долгая, напоказ изобильная трапеза подошла к концу. Мисс Мидоукрофт поднялась со своего места и все с той же торжественной медлительностью призрака отпустила мне мои грехи со словами:

— Мы тут на ферме ложимся рано, мистер Лефрэнк, желаю вам доброй ночи. — И, возложив свои костлявые руки на спинку коляски мистера Мидоукрофта, она на полуслове пресекла его обращенные ко мне прощальные речи и покатила в спальню так, словно это был прямой путь к могиле.

— Вы сейчас собираетесь в свою комнату, сэр? Если нет, смею ли предложить вам сигару? С позволения молодых джентльменов, разумеется?

Таким вот образом, с болезненным тщанием подбирая слова и сардонически-косым взглядом сопроводив ссылку на «молодых джентльменов», мистер Джаго выполнил свой долг гостеприимства. Извинившись, я отказался от сигары, и обладатель неестественно горящих глаз нарочито любезно пожелал мне спокойной ночи и покинул столовую.

Эмброуз и Сайлас приблизились ко мне с раскрытыми портсигарами в руках.

— Вы верно сделали, что сказали ему «нет», — заявил Эмброуз. — Никогда не курите с Джоном. Отравит.

— И не верьте ни единому его слову, — прибавил Сайлас. — Самый отъявленный лжец в Америке, не говоря уж обо всем прочем.

Нейоми укоризненно погрозила им пальчиком, словно перед ней были дети, а не широкоплечие фермеры.

— Что подумает о вас мистер Лефрэнк, — проговорила она, — если вы так отзываетесь о человеке, который пользуется доверием и уважением вашего отца! Ну, идите курить! Мне стыдно за вас обоих!

Сайлас безропотно скрылся. Эмброуз не тронулся с места, явно желая перед уходом помириться с ней.

Чтобы не мешать им, я отступил в дальний конец комнаты, где была стеклянная дверь, выходящая в маленький ухоженный сад, прелестно залитый сейчас лунным светом. Я вышел наружу насладиться этим зрелищем и отыскал скамейку, укрытую в тени густого вяза. Никогда еще величественная гармония природы не казалась мне такой невыразимо торжественной и прекрасной, как сейчас, после всего, что я увидел и услышал. В этот момент я понял — или думал, что понимаю, — то безысходное отчаяние, которое в старые времена приводило людей в монастырь. Мизантропическая сторона моего характера (есть ли на свете больной, которому неведомо чувство отчуждения от себе подобных?) начала овладевать мною, когда я почувствовал легкое прикосновение к плечу и, обернувшись, обнаружил, что готов примириться с родом человеческим ради Нейоми Коулбрук.

Глава 3

СВИДАНИЕ ЛУННОЙ НОЧЬЮ

— Я хочу поговорить с вами, — начала Нейоми. — Вы ведь не станете осуждать меня за то, что я последовала сюда за вами? Мы здесь в Америке, знаете, не слишком придерживаемся церемоний.

— И вполне в этом правы. Садитесь, прошу вас.

Она уселась подле, прямо и доверчиво глядя на меня в лунном свете.

— С этой семьей вы связаны узами родства, — сказала она. — Я тоже. Мне кажется, вам я смело могу сказать то, что не смогла бы открыть человеку со стороны. Я так рада, мистер Лефрэнк, что вы приехали! Рада по причине, о которой вы даже не подозреваете.

— Спасибо за добрые слова, мисс Коулбрук, независимо от того, что вас заставило их произнести.

Она не обратила на эту реплику никакого внимания, целиком поглощенная своими мыслями.

— Мне кажется, ваш приезд может пойти на благо этому несчастному дому, — продолжала девушка, не отрывая серьезных глаз от моего лица. — Здесь, на Морвик-фарм, — ни любви, ни веры, ни покоя. Здесь нужен человек, который, но только не думайте плохо об Эмброузе — он просто не ведает, что творит! — так вот, здесь нужен человек, который заставил бы их устыдиться своей жестокости, завистливости, лицемерия! Вы — джентльмен, мистер Лефрэнк, вы обладаете обширными познаниями, волея-неволей они станут смотреть на вас снизу вверх; в конце концов, им просто придется прислушаться к вашему мнению. Умоляю, мистер Лефрэнк, если представится случай, попытайтесь примирить их. Вы были свидетелем тому, что происходило за ужином, и вам это не понравилось! О да, я сама видела, как вы поморщились, а я знаю, что это значит, когда морщатся англичане!

Мне ничего не оставалось, как открыть Нейоми свои мысли. Я описал свои впечатления так же просто, как сделал это на предыдущих страницах. Нейоми, слушая, кивала головкой, недвусмысленно одобряя мою искренность.

— Благодарю вас за ваше прямоту, — сказала она, — но, бог свидетель, вы рассказали о своих чувствах в выражениях

чрезмерно мягких, сэр, когда заметили, что люди здесь, по вашему мнению, не слишком ладят. Куда там! Они просто ненавидят друг друга. Именно это слово, мистер Лефрэнк, вполне отвечает их чувствам. Ненависть — злая, злая, злая! — Она ударяла каждый раз кулачком в такт последним словам, прибавляя им выразительности, и тут вдруг снова вспомнила про Эмброуза. — Но, пожалуйста, не судите строго Эмброуза. Он не способен на дурное.

Невинная откровенность этой девушки была воистину неотразима.

— Смею ли высказать предположение, — осведомился я, — что вы несколько пристрастны к бедному Эмброузу?

Любая англичанка, отвечая на подобный вопрос, почувствовала бы некоторое смущение — или притворилась, что чувствует. На лице Нейоми не отразилось ничего подобного.

— Вы совершенно правы, сэр, — сказала она с полным самообладанием. — Если все пойдет как следует, я собираюсь выйти замуж за Эмброуза.

— «Как следует»? — переспросил я. — Что вы имеете в виду? Деньги?

Она покачала головой.

— Я имею в виду страх, который меня терзает. Страх перед тем, мистер Лефрэнк, что отношения между мужчинами в этом доме могут принять дурной оборот. Эти люди жестоки, порочны, бесчувственны. Я говорю не об Эмброузе, сэр. Я говорю о Сайласе и Джоне Джаго. Вы заметили, что с рукой Сайласа? Под повязкой — ножевая рана, сэр, и это дело рук Джона Джаго.

— Это произошло случайно?

— Нет, не случайно. Удар ножом последовал в ответ на удар кулаком.

Столь безыскусное описание положения вещей на Морвик-фарм просто потрясло меня. Рукоприкладство и поножовщина под богатым и респектабельным кровом мистера Мидоукрофта? Рукоприкладство и поножовщина! И к тому же не между работниками — между хозяевами! Не сомневаюсь, что и вы, читатель, почувствовали бы то же самое. Я так просто едва верил своим ушам.

— Вы уверены в том, что говорите? — переспросил я.

— Мне рассказал об этом Эмброуз. Он никогда меня не обманывает. И он знает все подробности.